

Ольга Бгатова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дом, в котором всегда идёт дождь

Ольга Бгатова

Дом, в котором всегда идёт дождь

<https://litres.ru/74101146>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль 1996 года, Переделкино. Дождь льёт вторые сутки, и никто не может уехать.

На старой даче собирается вся семья, целых три поколения, чтобы отметить девяностолетие бабушки Кати. За столом яблочный пирог, свечи и тишина, в которой спрятано больше, чем в любых словах.

Катя поднимает бокал и просит только об одном: чтобы каждый сказал правду, открыл те тайны, которые носил в себе годами. Это будет лучшим подарком для неё.

Они начинают говорить. И в доме, где когда-то звучали стихи Ахматовой, Бродского и Евтушенко, разрывается тишина. Оказывается, в этой семье никто не был тем, кем казался. И старая яблоня за окном знала всё.

Никто не выйдет из этого дома, пока не расскажет свою историю.

Семейная сага о любви, вине и освобождении. О том, что иногда, чтобы жить дальше, нужно разрушить всё...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Бгатова

Дом, в котором всегда идёт дождь

Глава 1

Дом стоял на окраине Переделкино.

В том самом месте, где многовековые сосны расступались, уступая место поляне с высокой травой и диким клевером.

Дом построили в 1934 году и жили там «инженеры человеческих душ», как тогда принято было называть писателей. Архитектор был молодой, верил в светлое будущее, а потому и дом получился лёгким, почти невесомым: деревянные стены, резные наличники, высокие потолки, флюгер на высокой крыше, на которой каждую весну гнездились аисты.

И окна – огромные, в половину стены, смотревшие на запад: туда, где солнце уходило за горизонт и оставляло на стёклах золотые разводы.

Дом был живым, и это чувствовали все, кто входил в него. Половицы дышали, поскрипывали под ногами, как будто переговаривались между собой. Ставни хлопали на ветру, но не от ветхости, а оттого, что им хотелось поговорить. Батареи по ночам гудели: негромко, басовито, как будто старые

виолончели, которые долгое время пылились в шкафу и отвыкли извлекать из себя какие-либо звуки.

Да что там: здесь даже стены были непростые: они были не просто белыми или кремовыми, они имели тот самый янтарный, тёплый, медовый оттенок, который бывает только в очень старых домах. у очень старого дерева, пропитанного временем, табачным дымом, ароматом чая, разговорами и слезами.

И пахло здесь не затхлостью, сыростью или старыми вещами, нет. В доме пахло литературой.

И нет, это был не запах книг (хотя их было много, невероятно много). Они стояли повсюду: на полках, на подоконниках, на полу, в коридоре, даже в туалете для них были повешены полки.

В доме пахло словами: ещё не произнесёнными, ещё не написанными. Они витали в воздухе, как пыльца, оседая на всём, что только попадалось на их пути: на белых скатертях, на гранёных стаканах, на тёплых ладонях, сжимающих перья и карандаши. Казалось, стены запоминали каждую фразу, каждую паузу, каждый вздох, чтобы однажды, когда дом опустеет, всё это вернуть. Вернуть эхом, полузабытым шёпотом, скрипом половиц.

Много лет назад каждый вечер, каждую ночь здесь звучали стихи.

Голоса были разными: низкими и высокими, молодыми и старыми, прокуренными и звонкими, женскими и мужски-

ми, иногда звучащими в унисон. Стихи же чаще всего читали до рассвета: при свечах, в те часы, когда всё вокруг стихало и только любопытный ветер за окном, в поисках новых впечатлений, заглядывал в ставни, слушал что происходит в доме.

В такие вечера дом будто преображался: из простого здания, которых так много в этом местечке, он становился сценой, храмом искусств, убежищем. Своеобразным геликоном, на котором каждый вечер собираются талантливые поэты, соревнующиеся в умении складывать буквы в слова, а слова в целые предложения.

Эти слова вылетали из распахнутых окон, смешивались с запахом мокрой травы, сырой земли, цветущего жасмина и казалось, что даже деревья во дворе слушают, затаив дыхание.

Дом помнил, как в сороковых сюда приехала Анна Ахматова.

Она сидела на кухне, в углу, у маленького столика с клеёнчатой скатертью, и молчала. Целый день молчала. Кто-то предлагал ей чай, кто-то коньяк, но она только качала головой и смотрела в окно, где над садом висела низкая туча. А вечером, когда зажгли свечи, она вдруг встала и вышла в гостиную.

Все затаили дыхание, а она начала читать.

Тихо, почти шёпотом, но так, что каждое слово звенело, как хрусталь:

«В том доме было очень страшно жить, И ни камина свет патриархальный, Ни колыбелька моего ребёнка, Ни то, что оба молоды мы были И замыслов исполнены, Не уменьшало это чувство страха. И я над ним смеяться научилась».

Тишина, пока она читала, была почти что гробовой. Никто не издавал ни звука, не шевелился. Да что там – казалось, слушатели забыли как это – дышать. Дом тоже замер, будто боясь пропустить хотя бы один звук. Тишина стояла такая, что когда она дочитала, стало слышно, как за окном капает дождь.

Когда её обступили и начали хвалить стихи, восхищаться её талантом, она вдруг замолчала. Взяла стоящий ещё с утра рядом с ней стакан с коньяком, сделала глоток, а потом сказала юноше, который восхищался её стихами громче и больше всех:

- Вот вы говорите – классно уметь писать стихи. Но знаете ли вы, как это тяжело? Как тяжело жить с голосом, который говорит за тебя? Который сам рвётся изнутри. Ты не зовёшь его, не просишь прийти, ты не ищешь вдохновения, оно всегда внутри и вечно распирает тебя. Это оно заставляет тебя брать ручку, бумагу и писать, писать, писать. Бывает, что сажусь утром за стол, а прихожу в себя вечером: передо мной лежат стопки исписанных листов, а я даже не помню, как сделала это. Слова сплошным потоком льются из меня и, ежели, я не пишу хотя бы день, то потом буду писать стихи запоем, как алкоголик.

Анна Андреевна уехала через три дня, а дом ещё долго помнил её голос. Он остался в досках, обивке старого дивана, паутине на потолке. Катя, которая тогда была совсем юной, пересказывала этот вечер детям: вместо сказки про золотую рыбку. И каждый раз, когда она доходила до стихов, то замолкала на полуслове: такое не произносят вслух, а читают и чувствуют кожей.

В начале шестидесятых сюда приехал Иосиф Бродский.

Тогда он был ещё молодой, худой, с острыми скулами и глазами, которые смотрели так, будто видели не только этот мир, но и тот, что будет после. Он приехал не один, а с разношёрстной компанией поэтов, музыкантов. Потом они вырастут и разъедутся по городам, по весям, но пока они сидели на веранде, пили портвейн из гранёных стаканов и говорили, говорили, говорили.

Разговоры были громкими, слова иногда падали, как переспелые яблоки, и тут же подхватывались кем-то другим. Спорили о свободе, о судьбе, о том, можно ли писать стихи после того, что случилось в сороковые, после того как страшная память об этом ужасном событии обрушилась на нас и проникла в самую глубину сердец. Бродский почти не спорил, он просто сидел на подоконнике, смотрел в тёмное небо и что-то писал карандашом на клочке бумаги.

- Что ты пишешь? - спросила Катя, подходя к нему с чашкой чая.

Он поднял на неё глаза: серые, глубокие, как озёра.

- «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку», - сказал он. - Только что пришло. Хочешь, прочту?

И он начал читать. Тихо, почти без интонаций, но каждое слово врзалось в стены, как гвоздь:

«О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу. В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной. Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Когда он читал, дом дрожал: каждой половицей, каждой ставней, каждым своим углом. Катя потом говорила, что в ту минуту ей показалось, будто стены шевельнулись, чтобы запомнить каждое слово. И она не ошиблась.

Прошли годы. Бродский уехал, потом вернулся, потом снова уехал, но теперь уже навсегда. А в Переделкино, на даче, где он сидел на подоконнике и глядел в небо, те самые строки до сих пор слышатся по ночам, если ветер дует с запада и дождь стучит по крыше.

Ещё здесь бывал Евтушенко. Громкий, взрывной, с мальчишеским залом и жестами, которые захватывали пространство. Он танцевал с Катей под звуки патефона: кружил её по комнате, пока пластинка, заедая, повторяла одну и ту же ноту, а потом бросал на диван и читал свои стихи. Читал громко, взхлёб, как будто боялся, что время уходит, что через минуту будет поздно.

«Лучшие из нас ещё ничего не сказали,
Лучшие из нас ещё не родились»

Катя смеялась, откинув голову, и тогда, в том смехе, было столько жизни, столько свободы, что казалось, будто и в самом деле ничего не страшно.

Но время шло, Катя выросла. И дом вырос вместе с ней.

Родилась Валечка. Катя стала мамой и, вместе с пелёнками, колыбельными и ночными бдениями возле кровати из её жизни ушло что-то важное. Исчезла та самая лёгкость, с которой она читала стихи по ночам, те разговоры до рассвета, та свобода, которая позволяла ей говорить то, что думает, не оглядываясь. Слова, которые она не записывала, а просто жила ими, ушли куда-то вглубь - в те самые папки, которые позже она спрячет в старый сундук, стоящий на чердаке.

Поэты перестали приезжать. Их сменили семейные пары: тихие, спокойные, с детьми и кошками. Дом остепенился. Вино перестало стоять на столе; его место занял чай - крепкий, с мятой и сушёными яблоками. Вместо стихов звучали сказки, которые Катя читала Вале перед сном, потом Георгию, потом внукам.

Никто из родных теперь и не знал, какая Катя на самом деле. Они знали её как бабушку, маму, жену: тёплую, заботливую, пахнущую яблочными пирогами и малиновым вареньем. Они не знали, что по ночам она достаёт старую папку, перевязанную бечёвкой, перечитывает и плачет. Они не знали, что она умела писать лучше многих, кого принимали в Союзе писателей, но никогда не показывала ни строчки.

Они не знали, что иногда, в те редкие минуты, когда остаётся одна, она включает патефон и танцует, танцует, танцует. А потом читает стихи: себе самой, вслух. Дому читает, и в эти редкие минуты оба они счастливы. Так она хотя бы ненадолго, на полчаса, но возвращается к себе настоящей.

Она приучила себя быть другой: удобной, заботливой, тихой.

- Женщина должна быть тихой, - говорила она себе, когда хотелось кричать. - Тихой и сильной, и тогда всё будет хорошо.

И она была тихой. Пятьдесят лет, полвека.

И только яблоня, которую она посадила в сорок третьем, знала правду. Дерево видела всё: как Катя рыдала над письмами лётчика Сергея, как она сжигала свои стихи, чтобы никто не нашёл, как она отказывалась от приглашений на вечера, где могли бы помнить её имя. Яблоня помнила, что под её корнями, заботливо спрятанные в жестяную коробку, лежат тетради: не те, что на чердаке, а те, самые ранние, написанные карандашом, который таял на бумаге от слёз. Она помнила, как Катя говорила ей, обнимая ствол: «Ты моя единственная настоящая подруга, единственная кто знает какая я».

Но Катя знала, что когда-нибудь этот дом расскажет всё. Не словами, дома не умеют говорить. Зато они могут передать слова атмосферой, звуками, тенями, которые ложатся на стены в час заката. Она знала, что придёт час, когда сте-

ны вздохнут и произнесут: «Мы помним». И тогда её родные узнают правду про неё: не ту, которую Катя подавала им как свежесдобитый хлеб, как единственно верную истину, а ту, что жила внутри этого дома.

Теперь этот дом стоял в Переделкино, под дождём, и ждал. Через два дня должны были приехать дети. И внуки. И маленький Денис, который – единственный из них всех – слышал голос яблони.

Катя проснулась на рассвете, вышла на веранду и села на старую скамью. Дождь только начинался: мелкий, частый, прохладный. Она подняла лицо к небу, чувствуя, как капли касаются щёк, и прошептала:

- Дом, ты помнишь всё. Скажи им. Скажи им то, что я не смогла.

Яблоня качнула ветвями, и в этом шелесте Кате послышался голос Сергея:

«Ты всё правильно сделала, Катя. Они узнают. И поймут»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.